

УДК 343

**ИННОВАЦИИ В ПРОЦЕДУРЕ ВЫДВИЖЕНИЯ И ПОДГОТОВКИ
ГОСУДАРСТВЕННОГО ОБВИНЕНИЯ
В РОССИЙСКОМ УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ**

© 2013 г.

Г.Н. Королёв^{1,2}, М.А. Табакова²¹ Нижегородский госуниверситет им. Н.И. Лобачевского² Волжская государственная академия водного транспорта, Н. Новгород

kpn-nngu@yandex.ru

Поступила в редакцию 20.05.2013

Авторы анализируют процессуальный статус прокурора в досудебном производстве, рассматривая его как главу обвинительной власти, предназначением которого является выдвижение и подготовка законного и обоснованного государственного обвинения. Рассматриваются возможности и порядок деятельности прокурора по формированию окончательного государственного обвинения после вступления в силу Федерального закона от 5 июня 2007 года № 87-ФЗ.

Ключевые слова: уголовное преследование, государственное обвинение, досудебное производство, обвинительная власть, подготовка государственного обвинения, прокурор.

Государственное обвинение как научная категория является производной от термина «обвинение», под которым в действующем законодательстве понимается *утверждение о совершении определенным лицом деяния, запрещенного уголовным законом, выдвинутое в порядке, установленном уголовно-процессуальным Кодексом Российской Федерации*. Данное утверждение – обвинение осуществляется перед судом в условиях действия конституционного принципа состязательности и равноправия сторон. Однако, чтобы это утверждение состоялось, оно должно пройти нелегкий путь его выдвижения и подготовки.

В действующем уголовно-процессуальном законе нет ясного и четкого порядка выдвижения и подготовки государственного обвинения. Данная процедура прописана крайне туманно. Более того, термины «выдвижение» и «подготовка» в тексте закона отсутствуют. Это обстоятельство порождает неопределенность в вопросе о том, кто в окончательном варианте должен готовить государственное обвинение. Приходится только предположить, что этим должностным лицом должен быть прокурор, поскольку именно на него законодатель возложил обязанность по поддержанию государственного обвинения, одновременно введя в текст закона термин «государственное обвинение».

Приведем эти нормы в целях объективности. Так, в части 3 статьи 37 УПК РФ прописано, что «в ходе судебного производства по уголовному делу прокурор поддерживает *государ-*

ственное обвинение». Второй раз этот термин употребляется в части 4 статьи 246 УПК РФ, в которой закреплено, что «*государственное обвинение* могут поддерживать несколько прокуроров».

Исторический опыт развития российской государственности свидетельствует, что в вопросе определения правового статуса прокурора в досудебном производстве, как субъекта обвинительной власти, для нашего национального законодательства были характерны две крайности, два разных подхода.

Первый подход заключается в полном отсутствии у прокурора на законодательном уровне полномочий по *непосредственному* осуществлению уголовного преследования, то есть по проведению следственных действий и принятию окончательного решения по результатам предварительного следствия.

Суть второго подхода, второй крайности, состоит в наделении прокурора всеми полномочиями следователя по производству предварительного следствия.

Первый отмеченный вариант законодательного определения правового статуса прокурора был присущ для первых двух отечественных уголовно-процессуальных кодификаций.

Так, по судебным уставам 1864 года прокуроры не были наделены полномочиями по производству предварительного следствия. Эта функция возлагалась на судебных следователей. В статье 278 Устава уголовного судопроизводства (УУС) было закреплено: «*Прокуроры и их*

товарищи предварительных следствий сами не производят, но дают только предложения о том судебным следователям и наблюдают постоянно за производством сих следствий» [1].

По сути, аналогичное положение было сохранено в первом кодифицированном уголовном процессуальном законе советской России. Прокуратура, как об этом гласит ст. 9 УПК РСФСР 1923 г., была только обязана «возбудить уголовное преследование *перед* судебными и следственными органами по всякому совершившемуся и подлежащему наказанию преступлению» [2]. При этом предложение прокурора рассматривалось лишь в качестве повода к возбуждению уголовного дела. При наличии иных поводов, указанных в законе, и «при наличии в заявлении указаний на состав преступления» прокурор, в соответствии со ст. 98 УПК, направлял дело для производства предварительного следствия или дознания либо непосредственно в суд.

Ситуация кардинальным образом изменилась в результате законодательных новелл середины XX века и приобрела законченный вид в УПК РСФСР 1960 г. [3]. Прокурор стал подлинным хозяином положения в досудебном производстве. Он был наделен полномочиями, позволяющими ему принимать любые решения о направлении предварительного расследования, в т.ч. *правом принятия дела к своему производству и проведения лично предварительного следствия в полном объеме* (ст. 211 ч. 1 п. 5). То есть в советский период развития нашего государства в уголовное судопроизводство была заложена инквизиционная модель досудебного производства. Основными элементами этой модели являются: а) передача следственного аппарата в подчинение (выражаясь современной терминологией) органов исполнительной власти и прокуратуры; б) наделение прокурора полномочиями по производству предварительного следствия в полном объеме; в) определенное стирание различий между дознанием и предварительным следствием.

Право прокурора на производство предварительного следствия в полном объеме было сохранено и в УПК РФ в редакции Федерального закона от 18 декабря 2001 г. В соответствии с названным законом процессуальный статус прокурора в досудебном производстве практически не изменился. За исключением того, что ряд его полномочий по санкционированию отдельных действий и решений следователя были переданы суду.

С принятием Федерального закона от 5 июня 2007 года № 87-ФЗ [4] существенно изменился

процессуальный статус прокурора в досудебном производстве. Прокурор, будучи лишен полномочий по возбуждению уголовного дела и проведению предварительного расследования преступлений, перестал быть исполнителем уголовного преследования. Коренным образом преобразился порядок взаимоотношений между прокурором и следователем.

Учитывая, что в научной литературе под «реформой» принято понимать «преобразование, изменение, переустройство чего-нибудь» [5, с. 589], вполне можно вести речь о проведении реформы досудебного производства в уголовном процессе России. Как показала последующая правоприменительная практика, реформы половинчатой, научно не обоснованной и крайне неэффективной.

Возможно, что разработчики данного законопроекта преследовали благие цели, но итогом их деятельности стал раскол в единой команде обвинительной власти. «Единство обвинительной власти, – пишет в связи с этим К.А. Бабин, – подорвано структурным и процессуальным обособлением следственной власти, которая свою работу по подготовке предмета и оснований уголовного иска проводит независимо от прокурора – главного публичного уголовного истца, субъекта судебного уголовного преследования» [6, с. 62].

В нашей стране традиционно, да и сейчас, исходя из духа действующего уголовно-процессуального закона, прокурор является тем должностным лицом, на которого возложена обязанность от имени государства осуществлять, при наличии к тому оснований, публичное уголовное преследование на всем протяжении уголовного процесса. Эта деятельность осуществляется как в досудебном производстве, так и в центральной стадии уголовного процесса – стадии судебного разбирательства, путем поддержания перед судом государственного обвинения. В этом заключается предназначение прокурора в уголовном судопроизводстве.

«Прокурор – основной субъект доказывания в уголовном процессе. Это объясняется тем, – пишет В.А. Лазарева, – что именно он обеспечивает доказывание виновности обвиняемого перед судом, опираясь на доказательства, полученные в ходе предварительного расследования, осуществляя таким образом связь между предварительным расследованием и судебным разбирательством» [7, с. 59]. В этом вопросе мы полностью солидарны с указанным автором и считаем, что именно из данного методологического тезиса вытекает исключительность роли прокурора в досудебном производстве.

Прокурор – единственный представитель стороны обвинения, который, продолжая миссию обвинительной власти в суде, один вступает в схватку со слаженной дружной командой защиты. Как особый субъект обвинительной власти, он должен обосновать обвинение, доказать суду виновность подсудимого в совершении инкриминируемого ему деяния. Эту миссию прокурор может выполнить только при условии квалифицированно проведенного предварительного расследования, в ходе которого сформирована совокупность доброкачественных доказательств, избличающих обвиняемого. «В этом смысле, – справедливо отмечает В.А. Лазарева, – предварительное расследование – лишь подготовка обвинительной власти к основному сражению в суде» [7, с. 79].

И это сражение может быть проиграно, если предварительное расследование проведено неполно, несправедливо и некачественно. Следует иметь в виду, что пробелы предварительного расследования, допущенные при его производстве недостатки могут повлечь исключение судом недопустимых доказательств, привести к ослаблению доказательственной базы обвинения, что в свою очередь может стать причиной отказа прокурора от обвинения и соответственно прекращения судом уголовного дела либо причиной вынесения оправдательного приговора. При таком исходе предыдущая деятельность всей команды обвинительной власти будет сведена к нулю.

В силу этого прокурор, как никто другой заинтересованный в качестве предварительного расследования, в подготовке обоснованного государственного обвинения, которое он будет поддерживать затем в суде, должен, по нашему глубокому убеждению, иметь достаточные рычаги влияния на проведение предварительного расследования.

Пока мы наблюдаем обратную ситуацию, свидетельствующую об ослаблении позиций прокурора в досудебном производстве. В частности, в настоящее время прокурор лишен следующих полномочий:

- поручать производство предварительного следствия следователю или нескольким следователям,
- изымать уголовное дело у следователя и передавать его другому следователю,
- отменять незаконные или необоснованные постановления следователя,
- давать следователю указания о направлении расследования, производстве отдельных следственных и иных процессуальных действий,

– отстранять следователя от дальнейшего производства расследования и некоторых других. По сути, тех полномочий, которые позволяли ему эффективно влиять на формирование и подготовку государственного обвинения.

Мы в целом солидарны с позицией К.А. Бабина [6, с. 34], который указывает, что уголовное преследование в досудебный период есть деятельность, направленная на подготовку, процессуальное обоснование уголовно-правовых притязаний обвинительной власти к лицу, предположительно совершившему преступление. Хотелось только уточнить, что к лицу, совершившему преступление, уголовно-правовые притязания имеет не обвинительная власть, а государство в лице субъектов обвинительной власти.

Чтобы успешно противостоять разгулу преступности, обвинительная власть, осуществляющая в ходе досудебного производства подготовку от имени государства «уголовно-правовых притязаний» к лицу, совершившему преступление, должна представлять в уголовном судопроизводстве единую команду. Для этого имеются все предпосылки.

Все они осуществляют единую основную функцию – уголовное преследование (ст. 21 УПК РФ). Формы реализации этой функции могут быть различными, и в соответствии с действующим законодательством они различны (ст. 40, 89, 150 УПК РФ). Ими являются: производство дознания; проведение предварительного следствия; осуществление оперативно-разыскной деятельности.

Перед всеми субъектами обвинительной власти стоит единая цель: избличение подозреваемого, обвиняемого в совершении преступления (п. 55 ст. 5 УПК РФ).

В рамках уголовного дела все субъекты обвинительной власти готовят одно, единое уголовно-правовое притязание государства к лицу, нарушившему уголовно-правовой запрет, – государственное обвинение (п. 22 ст. 5 УПК РФ).

И чтобы замкнуть эту цепочку, вывод напрашивается один: должно быть единое процессуальное руководство по осуществлению уголовного преследования. Следуя здравой логике, следует признать, что это общее процессуальное руководство предварительным расследованием преступлений в досудебном производстве должен осуществлять прокурор, наделенный реальными полномочиями.

Рассмотренные нами вопросы правового регулирования, а также теории и практики прокурорского уголовного преследования свидетельствуют о крайне низкой эффективности всего

досудебного производства и о наличии множества нерешенных правовых проблем.

Ситуация еще больше осложнилась в результате проведения последней реформы досудебного производства. Принятие Федерального закона от 5 июня 2007 года № 87-ФЗ существенно ограничило и без того скромные возможности прокурора по подготовке и формированию государственного обвинения и, самое неприятное, внесло раскол в единую команду обвинительной власти. Данная законодательная новелла наглядно продемонстрировала, что у государства в лице законодателя до настоящего времени нет полной ясности в определении роли и назначения прокурора в уголовном судопроизводстве.

Прокурор перестал быть единственным главой обвинительной власти в досудебном производстве. По всем уголовным делам о тяжких и особо тяжких преступлениях эта роль перешла к руководителю следственного органа. Следователи оказались в полном подчинении у названного должностного лица и в процессуальном, и в организационном отношении. За прокурором же сохранилось только процессуальное руководство при расследовании преступлений небольшой и средней тяжести, осуществляемой в форме дознания.

Таким образом, прокурор, не имея реального влияния на подготовку государственного обвинения при расследовании преступлений в форме предварительного следствия (а это большинство уголовных дел, направляемых им в суд), вы-

нужден поддерживать в суде данное обвинение, выдвинутое следственными органами. Думается, государство в лице законодателя наконец должно осознать, что подобная ситуация сама по себе абсурдна и не способствует ни эффективности борьбы с преступностью, ни достижению цели восстановления социальной справедливости и предупреждения совершения новых преступлений.

Список литературы

1. Устав уголовного судопроизводства Российской Империи // Российское законодательство X–XX веков. Т. 8. Судебная реформа. М.: Юридическая литература. 1991. С. 120–251.
2. Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР от 15 февраля 1923 г. // СУ РСФСР. 1923. № 7. Ст. 106.
3. Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР. Утвержден Законом РСФСР от 27 октября 1960 г. // Ведомости Верховного совета РСФСР. 1960. № 40. Ст. 592.
4. Федеральный закон «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации и Федеральный закон о прокуратуре Российской Федерации» от 5 июня 2007 года № 87-ФЗ // Российская газета. 2007. 8 июня.
5. Ожегов С.И. Словарь русского языка. М.: Рус. яз., 1986. 797 с.
6. Бабин К.А. Уголовное преследование как функция прокурора в уголовном процессе России. Дисс... канд. юрид. наук. Н. Новгород, 2008.
7. Лазарева В.А. Прокурор в уголовном процессе: Учеб. пособие. М.: Юрайт, 2011.

INNOVATIONS IN THE PROCEDURE OF BRINGING AND PREPARATION OF THE GOVERNMENT CHARGE IN THE RUSSIAN CRIMINAL PROCEDURE

G.N. Korolev, M.A. Tabakova

The authors analyze the procedural status of the prosecutor in pre-trial proceedings, regarding him as the head of the prosecution authority, whose purpose is to bring and prepare a legal and valid government charge. The prosecutor's capabilities and procedures to form the final government charge after the entry into force of the Federal Law of June 5, 2007 № 87-FZ, are discussed.

Keywords: criminal prosecution, government charge, pre-trial proceedings, prosecutorial jurisdiction, preparation of the government charge, prosecutor.